

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

*О чудо... Сколько вижу я красивых созданий!
Как прекрасен род людской...
О дивный новый мир, где обитают такие люди.*

Уильям Шекспир «Буря»

Неопознанная культура

Гностические корни постсовременности

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэнфордского университета, набрел я на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый «Мыслитель», правда, в измененных пропорциях и своеобразном окружении, чем-то напоминающем скульптурную группу, воздвигнутую в Москве в глубине Болотной площади. Нечто странное, даже тревожное чувствовалось в этом на редкость впечатляющем творении мастера. Гравитационным же центром композиции было другое изваяние – гигантские медные двери, притягивающие взоры скульптурных персонажей. В подобном хоре «Мысли-

тель» выглядел иной персоной, нежели привычное восприятие его образа. Скульптурный ансамбль, выстроенный на площадке калифорнийского кампуса, являл собой то самое, сакраментальное: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...» И не Данте изображал сидящий у притворенных врат «Мыслитель».

Трансмутация истории

*Не имея возможности
направиться в высшие сферы,
я двинулся к Ахеронту.*

Вергилий

Роберту Музилю принадлежит любопытная сентенция: «Ощущение воз-

можной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Действительно, трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим уже недействительное положение вещей. Мастерство мировидения — это способность в текущем улавливать настоящее, которое есть будущее, удерживаемое омололенным сознанием в коросте прошлого. Востребованным оказывается умение видеть неочевидный, неописанный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальное качество гоголевского Вия, могущего в мире живых узреть недоступное обычным духам. Далеко не всегда, однако, удастся вовремя проверить предсказания оракулов, разгадать неявный смысл, извлечь прогноз из двусмысленных и подчас лукавых советов.

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, проклюнувшемуся мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям в новом мире? Каким видится влияние идей и — шире — этого специфического мировидения, утверждаемых им постулатов и прочтений бытия? Какова соответствующая его духу и логике модель социального универсума?

Отличительная черта данного мировоззрения — особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного космоса, которому

Отличительная черта гностического мировоззрения — особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного космоса, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее через призму негативного восприятия вселенной и умопомраченного творца.

присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обезличивается и обособляется от чуждого творения, трансформируясь, по сути, в аристотелев перводвижитель. Миру придается тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Для него характерна онтологизация зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из подобной трагической, фатальной ситуации деятельный пессимизм. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее через призму негативного восприятия вселенной и умопомраченного творца. Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) разрешение метафизической

тайны — генезиса разлада между могуществом и благостью, — адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути модель мира и саму проблему, придавая ей скорее механистический, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И порождают представление о творце/творении — редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое. Еще один родовой признак — эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика скрытой власти, действующей параллельно официальной, особых структур управления, используемых и во вполне прагматичных целях. Немаловажное свойство — абстрактное мышление, стремление к строительству бесконечных миров, нумерологических систем, изошренные операции в дигитальном космосе.

Александр Кабанель. Венецианский купец. 1881 год

Контур нового класса, равно как изменения в статусе мира, проступали в дерзких исканиях мысли, нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, пересечении прежних норм и границ – как географических, так и нравственных, в областях теории и практики.

Нельзя не упомянуть о его тяге к христианству, особенно к наиболее напряженной практике – исихазму, о двойничестве-оборотничестве, состязательности, соприсутствии на территории абсолютной религии подчас одних и тех же душ и умов. Гностицизм по-своему близок христианству как основной оппонент, «близнец». Иногда различие кажется столь тонким, словно из сферы субстанции перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис оказался своеобразным предшественником христианского века, зачинателем осевого времени, будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур. Он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком мно-

гим причинам предпочитает собственный ответ, в котором разъята триада любви, творчества, свободы. Гностик – безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, ставший пленником иллюзорного зазеркалья: «Мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое».

Рискую сказать, что гностицизм – своего рода упрощенное христианство (эрзац, исключивший жертву), что, однако, влечет совсем не простые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, разращенному потребительской логикой, эманациями массовой культуры, обожающему именно эффектные, эффективные упрощения. Особенно если можно заменить траге-

дийное усилие не слишком обременительными спекуляциями, имеющими, как всякое средство комфорта, в данном случае душевного, коммерческую составляющую. Проекты именно класса *a la* интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к высокой культуре (*haute culture*), духовный материализм и душевное утешение оказываются перспективным товаром.

В облегченной модели искусства открывается головокружительный простор для эксплуатации слабостей. Гностицизм в своей основе есть действенная иллюзия и в практике – энергичная попытка умопостижения абстракции, обретения свободы без самоуничтожающей любви. Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присущая лишь ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, по своему выражающая *Zeitgeist* уплотнения цивилизации и осваивающей дикости.

■ Адепты лжеименного учения подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире соединением свободы и универсального, но обезличенного знания в мире иллюзий. Их бог — не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сблизжает гностицизм с магией. Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам: гностицизм, копя в хрониках перфекционизма и нигилизма, отрицает жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает неподлинное, несуществующее (плодит протезы и утопии), в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти. Смысл христианского творчества не спиритуалистичен, но реалистичен, конкретен и персоналистичен. Его цель — не искусство как апогей процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект отделяется от какофонии случайного, но личность отъединяется от греха и следствий (искажений), так что солидарное творчество охватывает в конечном счете весь мир. Не предрешая, но воплощая результат в соответствии с экзистенциальной близостью/сопричастностью живого и милосердием икономии спасения. Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство — оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах. Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универсалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зо-

роастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

Гностический дуализм предопределил особую антропологию. Речь идет не о сложных кодах сочетания двух природ в Богочеловеке, как в дохалкидонской полемике, а о неравном достоинстве двух пород, о жестком разделении человечества на избранных и отверженных. Проявление чего — радикальный, обостренный элитаризм и подспудная тектоника проклятых. Представление о дуальности мира проявилось в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся по существу разумными животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

И в той же купели переосмысливается кровоточивый вопрос Иова о вселенской справедливости, местопребывании блага при манифестации зла: «Где ты был, Господи?» Вопрос, болезненный для людей, ощутивших глубину «зияющих высот» в теологии после ГУЛАГа и Освенцима, Кампучии и Руанды.

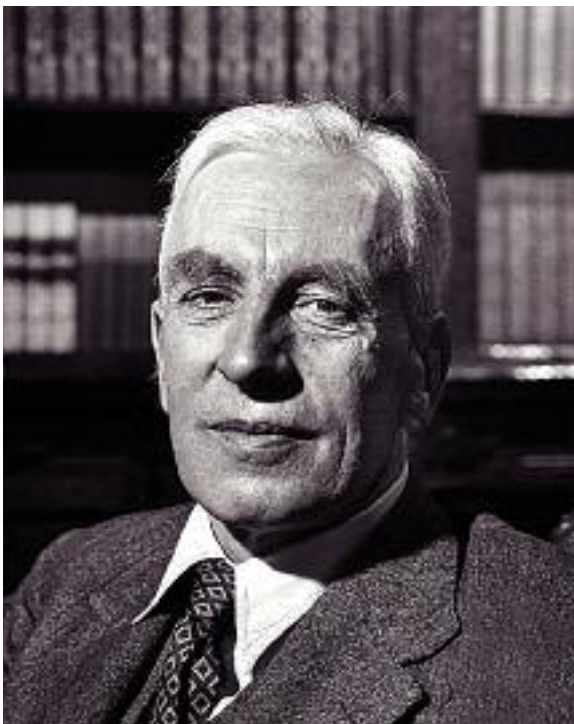
Сложноподчиненная конструкция мирового Севера и мирового Юга может быть истолкована как пародийное переосмысление дихотомии Страшного суда, всего корпуса христианской эсхатологии. Можно вспомнить слова Сергея Булгакова о «переложении иудейского хилиазма <...> на язык политической экономии» или провести параллель со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии». И даже шире. Почти фарсовое сближение апока-

липтического противостояния избранных и подлых дополнилось в наши дни противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга», квинтэссенция которого — идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание (либо развязывание) демонов мировой анархии.

Иначе прочитывается и тезис о конце истории. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты), то действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние юдоли зла — ночь творения: распад и аннигиляция, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории — что на протяжении творения человеком своего мира тенью присутствует как изнанка свободы и шанс первобытного хаоса, — предчувствуя исполнение сроков, готовится к реваншу, стремясь повернуть время вспять ко временам архаики и протоистории.

В то же время миллионы людей соотносят драматичные события с приближением «нового неба и новой земли» пост-исторического бытия, символизируемого образом идеального града — горнего Иерусалима, «стана святых и города возлюбленного».

■ Оставим за пределами рассуждения мандеев и ессеев, Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков. И даже таких важных для темы фигур, как Маркион и Мани. А также калейдоскоп околороманской мистики, иудейской каббалистики, имевших, пожалуй, даже большие возможности полужурганского существования в космосе средневековой Европы,

Арнольд Тойнби:

«Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом».

образовывавших симбиотические конструкции со структурами повседневности. Читая о событиях Темных веков, задаешься вопросом: какой могла бы стать европейская ночь после Великого переселения народов, если бы в ней не засияла звезда Рождества, то есть отсутствовал бы христианский идеал и вектор истории?

Если сжать время и выделить отправную точку феноменологического дискурса — когда многовековой подспудный процесс выходит на поверхность, значимо проявляет себя и социализируется, — то интерес представляет предыдущий *fin de millenium*, а точнее первые века второго тысячелетия. Тогда после тектонического раскола универсального пространства спасения, массового перемещения людей и ценностей, войск и народов, велись, как и сегодня, разговоры о новом мировом порядке,

даже словосочетание употреблялось то же — *Novus Ordo*. К XIII веку стали явственными девиации духовного порыва, кризис ожиданий, связанных с полюдьем крестовых походов, сопровождавшихся культурной трансгрессией, социокультурной диффузией, привнесением в европейский круг даров и пороков восточного наследства. То же относится к процессу Реконксты и к обретению наследства византийского.

В этот период наряду с утверждением христианского мира как генерального субъекта действия — цивилизации универсалистской и прозелитической — к древу истории прививается побег, произрастающий из зерен аверроистской

версии аристотелизма, специфического антропоцентризма и гностических ересей. Эта ветвь, разрастаясь и укрепляясь, произвела мутацию могучего организма, создав в числе иных следствий экономистичный универсум. Амальгама европейского ума соединила стремление к ясности, демифологизацию мира с уступкой механицизму линейной логики, проявившись, в частности, в дискурсивном пространстве поздней схоластики, а затем — в феномене сциентистского мышления, развитию эффективных технических инструментов, породив ряд характерных для современной цивилизации явлений. И предопределив ее глобальную экспансию.

Что же такое «новый порядок» в реалиях того переходного периода?

Это было время распада империцентричной системы и приватизации власти, что на-

шло выражение в феномене кастелянства/феодализма. Затем последовала аграрная революция, сопровождавшаяся ростом населения, чуть позже — урбанистический взрыв. Начиналась эпоха Великих географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые пути и финансовые схемы. В сущности, уже тогда возникают всполохи Реформации, зарождается пассионарный толчок, направленный против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается динамичная общность новых людей и светских интеллектуалов.

Несколько позже распад мироустройства привел к формированию национальных государств, в которых идеал *Universum Christianum* — единого христианского народа — нашел замену в альтернативном чувстве патриотизма. Впоследствии модели вселенской общности рассматривались в иной системе координат: сначала как движение к «союзу наций», а в наши дни — как преодоление государственной власти. Кстати, *Novus Ordo* переводится не только как «новый порядок», но и как «новое сословие» («сословие» и «порядок» — одно слово на многозначной латыни). Проблема глубока и многомерна, она осознавалась и схоластически осмысливалась в начале второго тысячелетия, у истоков современной эпохи. Хорошо известны стереотипы трех сословий, хуже — четвертого. Между тем полемика велась не один век, и в теме проявилась квинтэссенция динамичного, транзитного состояния, смены, ломки мировоззрения Средневековья. Контур нового класса, равно как изменения в статусе мира, проступали в дерзких исканиях мысли, нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, пересечении прежних

норм и границ — как географических, так и нравственных, в областях теории и практики. Диапазон представителей четвертого сословия — от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков, от «дворянства мантии» до школяров и городского плебса. Так, «в немецкой поэме XII столетия утверждалось, что четвертое сословие — это класс ростовщиков (*Wucher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV века провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же — бюргеров и заимодавцев» (Жак Ле Гофф).

И здесь мы вплотную подходим к исторической загадке капитализма. К той области, в которой бытует множество стереотипов, мифов, мистификаций. Капитализм — не просто метод эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающий в лоне рыночной экономики. Феномен нередко отождествляется с буржуазным строем, рожденным городской революцией, совмещающим образы буржуа (горожанина, гражданина, бюргера) и капиталиста. В определенном смысле капитализм — это выход за пределы экономики в пространства хрематистики, интеллектуальный, психологический, социальный прорыв, малодоступный язычнику и человеку традиционной культуры. От рынка капитализм, впрочем, отличается не столько предмет деятельности, сколько способ мышления, масштаб, цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация. Фернан Бродель, описывая непростое явление, назвал его «противорынком», поскольку суть «в явно другой деятельности», «в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной эко-

номики, не занимает подobaющего места». Арнольд Тойнби выразился еще резче: «Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом».

И даже привычно поминаемая «веберовская модель» дает сбои. Макс Вебер, исследуя становление современности, рассуждал о протестантских корнях капитализма. Но если внимательно вчитаться в его работы, можно извлечь существенные уточнения. Речь, к примеру, идет не столько о протестантских корнях вообще — тем более в масштабах всей Европы, а не преимущественно Германии, — сколько о кальвинистских истоках и о влиянии американских пуританских сект. Разница, впрочем, на первый взгляд не столь значительная. Более существенна оговорка Вебера о применимости рассуждений лишь к определенной фазе денежного строя, а не к процессам XX века: «<...> в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между <...> хрематистическим образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением». И далее провозглашается уже нечто радикальное: «<...> капитализм, одержав победу, отбрасывает эту ненужную ему больше опору».

Загадка капитализма

Кто дал вам губку, чтобы стереть небосвод?

Фридрих Ницше

Успехи почти двухтысячелетней цивилизации Большого Модерна коренятся в христи-

анском сознании, отношении к достоинству человека, высоким и равном статусе человеческой личности, созданной по образу и подобию Творца. Христиане еще на заре новой эры называли себя *moderni*, отличая от людей предшествовавшего, ветхого мира — *antiqui*. Рожденная общностью социальная галактика реализует собственную траекторию исторического полета. Ее успехи в экономике связаны с изменившейся ролью творческого дара, феноменом новоевропейской науки, техническим прогрессом, расширенным воспроизводством.

Родовые гнезда Модернити — города-государства, области Италии (Венеция, Генуя, Ломбардия, Тоскана), а также побережье Северного моря (города Ганзейского союза, Антверпен, позже — Амстердам). Противолежачие в лотарингском лимитрофе мира Нидерландов и Венеции объединяет одно обстоятельство — это в прямом смысле рукотворные миры. В земноводье Соединенных провинций рождается альтернативная политическая конструкция, основы которой провозглашены в Генте в 1576 году делегатами 17 провинций: «Не народ создан для государя, а государь для народа. Если государь поступает с гражданами, как с рабами, то перестает быть государем и становится тираном». Принципы, заложенные в декларации, реализовывались в борьбе за Английскую республику, обретались в политконструкции Соединенных государств Америки, воплощались в ходе Великой французской революции.

Сообщества граждан-горожан, бюргеров-буржуа — объединения людей, не только сознающих общность (*res populi*) перед лицом внешнего мира и потому заинтересованных в правильном управлении коммунальным (общим) хозяй-

ством, но также развивающих новый тип хозяйственной деятельности: интенсивное промышленное производство, приводящее со временем в числе прочих новаций к феномену города-фабрики. Варварское состояние Европы, вся сумятица Темных веков перемалываются на жерновах одолевающей упадок, преобразовавшей себя и человечество городской культуры. Той культуры, которая, отвергнув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство.

Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута именно от них — производительных городов-государств, коммунальных обществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. Горожане-граждане формируют институты выборной власти (представительной демократии): местную магистратуру/муниципалитет, то есть избирают членов городского совета, депутатов (*deputatus* — посланный, заместитель) в парламент (*curis regio in parlamento*). С течением времени функции парламента менялись, в результате его прерогативой, помимо установления налогов и законодательных функций, стало также формирование кабинета министров (*minister* — слуга, служитель), отвечающих за различные сферы деятельности. Создаются юридические, судебские органы, в частности, парламент выступает порой в качестве суда высшей инстанции, основные же правовые положения закрепляются в конституции. Кстати, в ряде

стран сам статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя в том числе крепостную зависимость. Возникают политические союзы городов, насчитывающие порою десятки членов (Рейнский союз объединял свыше сотни городов).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру — своего рода закваску национальных государств, перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

Такова общая формула генезиса современного (национального) государства, то есть государства эпохи Модернити как определенной исторической модели политического объединения.

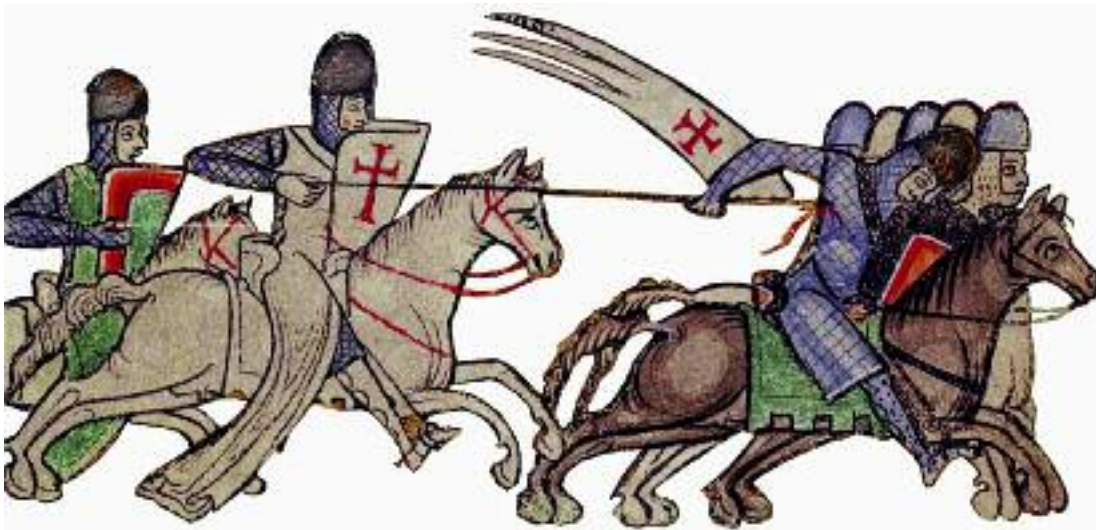
Новая эра утверждает личность самостоятельного гражданина и права общества в перманентной полемике с обстоятельствами.

С некоторого времени политические и хозяйственные механизмы начинают входить в противоречие с христианским историческим вектором и социальным идеалом. Вспоминается высказывание Ральфа Дарендорфа о природе экономического плюрализма: «Было бы неправильно предполагать, что <...> все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства». Действительно, взгляды в перипетии политэкономического калейдоскопа, начинаешь замечать, как сквозь игры повседневности проступает облик некой *неопознанной культуры*, влияющей на события.

Питательная среда капитализма, его магнитное поле, силовые линии складываются в сплетении торговых сетей, финансовых транзакций и трофейной экономики крестовых походов преимущественно в приморских ареалах Европы (исключение — «сухопутный порт» ярмарок в Шампани). Капитализм — энергичная субстанция, целостная идеология, замысел и сценарий специфического мироустройства, стратегия денежного строя, сутью которого являются не само производство и торговые сделки, но комплексные операции, направленные на контроль над рынком и обстоятельствами, имеющие целью перманентное извлечение системной прибыли (сверхприбыли). Он обретает универсальную власть не через административные, национальные структуры, но посредством интернациональных экономических механизмов. Такая власть по своей природе не ограничена государственными границами и распространяется за их пределы, рассматривая Ойкумену как пространство, потенциально открытое для деятельности.

В итоге параллельно проекту построения на земле вселенского пространства спасения — *Universum Christianum* — мир-двойник создает собственный амбициозный проект, выстраивая глобальный *Pax Oeconomicana*. «Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма управляет теми, которые к ней принадлежат, и из нее нелегко выйти, — описывает положение интеллектуал-миллиардер Джордж Сорос. — Более того, она имеет центр и периферию, как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалисти-

ческие тенденции. <...> Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели».

Важным ингредиентом капитализма становятся разноконфессиональные толки и союзы, свободные от ограничений, налагаемых ортодоксальными институтами, прямо или косвенно оплодотворившие сложные соцветия Реформации. С развитием городской культуры, торговых, финансовых, военных коммуникаций подобные учения, сообщества, культурные коды активно распространяются в Европе: эстафета передается от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойцам, то есть к общинам катаров и вальденсов, сопрягаясь с движением идей, людей, артефактов после катастрофы, постигшей Византийскую империю. Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, трансграничная организация которых – впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и корпораций-государств.

Особо интересны в русле рассуждения вальденсы, опреде-

ление которых разнится от «еретической секты манихейского толка» до «дореформационной протестантской конфессии», но, возможно, тут нет противоречия. В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, радикальная часть, отказавшись принести покаяние, переселилась в германоязычные страны, в Голландию, Богемию, Пьемонт, Западные и Южные Альпы, где обитали общины, уходившие от государственного христианства со времен IV века: бунтари-багауты и «состязавшиеся с дьяволом» агонистики. Но и в городском многоголосье, и в труднодоступных горных местностях – местах ссылок, своего рода европейской Сибири, в суровой борьбе за выживание, пребывая под угрозой обрушения быта, утраты жизни, формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, повышенным вниманием к обстоятельствам, личным аскетизмом, энтузиаз-

мом, самоотречением, скрупулезностью, корпоративизмом. Развивается институт тайного прозелитизма, охвативший со временем едва ли не всю Европу – вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси (преимущественно через торговое пространство Великого Новгорода). Бывшие «лионские бедняки» активно внедряются в оптовую и розничную торговлю, что позволяет свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам дореформационного протестантизма – от Джона Уиклифа до Яна Гуса. Сектанты, изгнанные из легального мира, вынужденные жить в масках, общаться непрямым образом, обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для системных операций. Иначе говоря, владеют механизмом сговора, контроля над ситуа-

Важным ингредиентом капитализма становятся разноконфессиональные толки и союзы, свободные от ограничений, налагаемых ортодоксальными институтами, прямо или косвенно оплодотворившие сложные соцветия Реформации. Это, например, тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, трансграничная организация которых – впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и корпораций-государств.

Община вальденсов. Миниатюра из трактата Иоанна Тингтора «О секте вальденсов». 1460 год

В городском многоголосье, и в труднодоступных горных местностях – местах ссылок, своего рода европейской Сибири, в суровой борьбе за выживание, пребывая под угрозой обрушения быта, утраты жизни, формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, повышенным вниманием к обстоятельствам, личным аскетизмом, энтузиазмом, самоотречением, скрупулезностью, корпоративизмом.

цией, столь необходимым для разработки и реализации многоэтапных проектов, крупных, часто коллективных, капиталовложений, заключения неформальных доверительных соглашений, требующих дол-

госрочного оборота средств и деятельного соприсутствия в разных точках земли. То есть располагают инструментарием и инфраструктурой энергичного *private market* в рамках аморфного *public market*.

Эффективность механизма, многократно проверенная, со временем была усилена союзом прежней («воинской») и новой («денежной») аристократий, воплощена в феномене компаний-государств (наподобие Ост- или Вест-Индской), подтверждена развитием усовершенствованных аналогов. Доверительные корпоративные альянсы, своего рода «клятвенные союзы» различной природы продолжали существовать, модифицироваться в секулярном мире, когда прежние причины подобных форм поведения перестали существовать.

■ В XIV и XV веках происходит разделение ересей в социальном отношении. Процесс развивается параллельно с созреванием городской культуры, обустройством специфических корпораций, фемических судов, коммун, гильдий. Выделились плебейские ереси – народные религии, своего рода крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой, ереси бюргерские и университетские. Их интеллектуальные композиции, культурные, социальные интенции проявились к концу второго тысячелетия в генезисе таких идеологических и политических конструктов, как коммунизм, фашизм, неолиберализм. (Любопытно приблизительное совпадение ареалов преимущественного распространения данных идеологий с определенными христианскими конфессиями: коммунизма и православных стран, фашизма/корпоративизма и стран католических, неолиберализма и протестантских обществ.)

В XVI веке «буржуазная религия» выходит на поверхность в феномене Реформации – второй глубокой схизмы христианской Ойкумены. Развитие

евангелического движения по своему легитимирует ряд подспудных течений, включив в социокультурный круг протестантских объединений. Но интерес представляет не только генезис (в том числе географический), к примеру, гугенотов и кальвинистов, не менее плодотворным мог бы стать анализ конфиденциальных торговых и финансовых соглашений Нового времени, включая историю следующего поколения тайных обществ, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляются вполне определенному «вероучению толпы».

Распространяется мироощущение, характерная черта которого — деятельный фатализм, рассматривающий земное богатство в качестве зримого доказательства призвания, а успех — как признак харизмы. В средневековой Европе между тем доминировала иная логика: при обязательности труда подчеркивалось противопоставление необходимого — *necessitas* — избыточному — *superbia* — с соответствующей моральной оценкой. А стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitude*), и даже сама деятельность профессионального торговца воспринималась как едва ли удобная Богу. Но для человека, придерживающегося новых взглядов, деньги имеют символическое значение: порой они не столько богатство или средство платежа, сколько десигнат статуса и орудие действия в чужеродном мире, инструмент управления. Экономика при данном мировидении вторична, психологически ближе оказывается рафинированная аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. (Как по несколько иному поводу категорично высказалась Маргарет Тэтчер: «Экономика — это средство. Целью же является изменение души».)

Гностицизм провоцирует искушения, сближающие практикантов с еретиками и адептами тайных наук. Романтика и горизонты цифровой культуры сливаются с каббалистикой и алхимией: экономика оказывается логикой хрематистики, а формулы финансовой математики создают невозможные в прежней логике источники неисчерпаемого богатства — наподобие кредита последней инстанции (колонизация будущего), глобального страхования рисков (капитализация альтернативных сценариев), *n*-мерных производных финансовых инструментов (пространства трансфинитной экономики). Рожденные в подобном союзе инструменты и технологии становятся источниками силы, обладающей властью над поведением, судьбами, характером, душами людей. Горизонт планирования раздвигается, что позволяет со временем развернуть поколение высоких геоэкономических технологий.

■ Учение о предопределении — характерная черта новой веры. Именно здесь ощутимо присутствие дуализма: жесткость и отчасти механистичность новой антропологии, формирующей собственную аристократию успеха. Еще у Лютера прочитываются соответствующие категорические пассажи, причем не только в школярских черно-белых антитезах («если в нас Бог, то места для сатаны просто нет, следовательно, мы можем стремиться только к добру, если в нас нет Бога, значит его место занимает дьявол и все наши побуждения будут направлены ко злу»), но и в редких, замысловатых рассуждениях о двойственной воле Творца. О том, к примеру, что помимо явной воли Бога, которая «ищет спасения для всех людей <...>

есть и другая, несоизмеримая с первой и представляющая собой непостижимую тайну. Этой волей творится жизнь и смерть людей, этой же волей изначально решается, кому из людей будет даровано спасение, а кого ждет вечное проклятие».

Сомнения в возможности продвижения преобразования, трансценденции греховного статуса, человеческой и божественной синергии превращают личность в индивида, упрощающего сознание, эффективно практикующего ту или иную земную функцию в стремлении достичь максимального результата как доказательства избранности. Предопределение нивелирует трагизм личного усилия — попытка преодоления нарушенной природы теряет смысл, подменяясь деятельным гаданием. В результате индивид рискует фатально сузить понимание промысла и попасть в беличье колесо фетишизации успеха. Уместно вспомнить призыв к подвижничеству: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12), — в сопоставлении с другой логикой из Нового Завета: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8: 36).

Критерий предназначения — синергия промысла и упования — является аспектом «лестницы в миру», подпадая под подвижнический завет: «Много званых, а мало избранных» (Мф. 22: 14). Однако тема избранничества сужается из-за коррупции тезиса о возможности свободного сотрудничества личности и промысла (предложенных житейских обстоятельств) в общем замысле о судьбе мира. И как результат — сужение категории спасения до верификации в категориях житейского благополучия. Между тем помимо реализации таланта как

профессионального мастерства призвание проявляется в наделении творческим даром *per se* вне рамок мирского успеха. Промысел, обладая совершенно иным горизонтом и уровнем свободы, предполагает судьбы, суть которых (подобно уделу Иова) может оказаться непостижимой человеческому уму, а дарованные и обретаемые таланты — пребывать вне реестров успеха и мастерства. Причем наиболее драгоценное достояние — обладание высшим даром любви — в земных обстоятельствах нередко сопряжено с уделом жертвенности и благословляется венцом мученичества.

При механистичной рационализации неисповедимого подчас промысла мир людей оказывается безнадежно расколотым, и для определения статуса в вечности — принадлежности к сообществу спасенных либо проклятых, к избранному народу *Übermenschen* или сонмищу *Untermenschen* — требуется не восхождение лестницей духа, но лишь испытание земной состоятельности. При этом милость к падшим сменяется почти ритуальным к ним презрением. «Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, — писал Эразм Роттердамский. — О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать». В данных конструктах можно различить эскиз мира, когда произойдет, по словам Збигнева Бжезинского, «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита. <...> Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на

поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем».

Погружаясь в эти неблагое пространства, испытываешь, однако, тягостное ощущение, что в жестких эсхатологических проекциях, пусть в искаженной форме, присутствует некая значимая для души реальность: предчувствие действительного — но не земного, а иного — вселенского разделения. И черты космогонии геенны: огненного мира метафизически отверженных — мира, лишённого прежней сoterиологии.

Но вернемся к перипетиям становления капитализма.

Его зарождение, первую — торгово-финансовую — фазу связывают с XV–XVII веками, хотя по ряду параметров истоки можно датировать и более ранним временем. Расцвет связан с эпохой Великих географических открытий, изменившей экономическую картографию, сместившей центр тяжести из Средиземноморья в просторный Атлантический (океанический) мир. Растущий приток драгоценных металлов, экзотичных товаров, других ценностей провоцировал изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в область финансовых операций и рождая такие эпохальные изобретения, как банк, вексель, ассигнация. Совершается ползучая легитимация ростовщичества. Взимание ссудного процента запрещено в Библии, осуждается исламом, подвергалось резкой критике Аристотелем, который сравнивал людей, занимающихся подобными делами, с «содержателями публичных домов». Но если первоначально в кальвинизме взимание ссудного процента приравнивалось к воровству (Гейдельбергский катехизис, во-

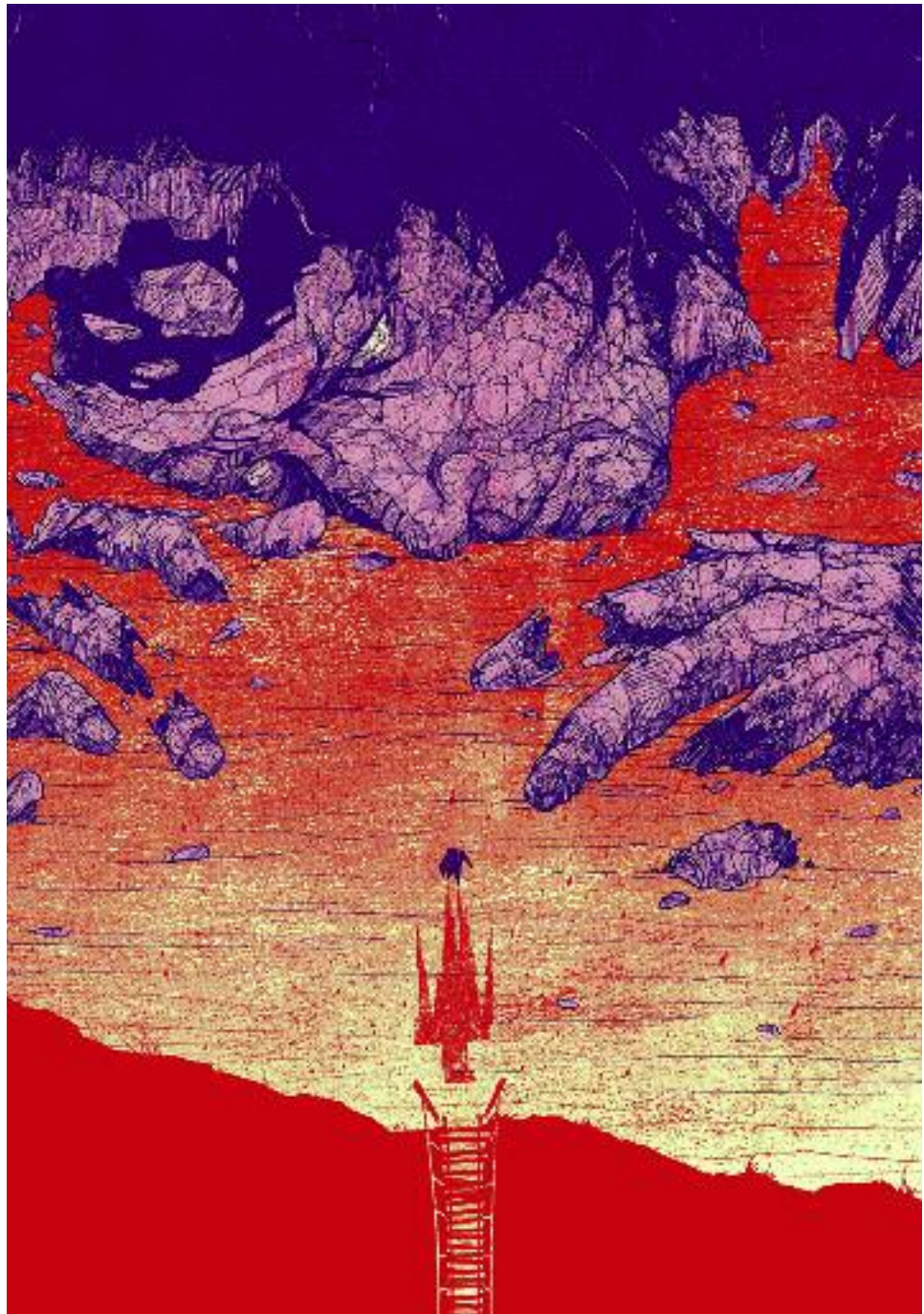
прос 110), то в дальнейшем происходит оправдание, развитие и распространение результативной финансовой технологии. Окончание торгово-финансовой фазы капитализма совпало с упрочением национального государства, которое забирает наиболее прибыльную часть деятельности — кредитование стран и правителей, приступает к самофинансированию путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии валюты, особенно в форме банкнот. Капитализм успешно преодолевает кризис, занимая нишу, порой прямо отождествляемую с ним, — индустриальное промышленное производство, — что порождает ряд aberrаций.

Эта сфера хозяйственной активности развивалась в тот период по стремительно восходящей линии, с лихвой оправдывая практически любые капиталовложения и создавая на основе характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций, перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало выгоду также государство, чьи инфляционно-эмиссионные риски, как правило, оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики. В общем энтузиазме эпохи, звездном часе демократии, утвержденной городской революцией, временно растворяются, отходят на второй план многие негативные черты денежного строя, а особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого феномена и наоборот.

Однако в завершающем второе тысячелетие веке индустриализм пережил как стремительный взлет, так и серьезный кризис. Сказалась ограниченность платежеспособ-

ного спроса по сравнению с резко возросшими производственными возможностями. Обилие «дешевых вещей», не уравновешенное платежеспособным спросом, вело к кризису перепроизводства, избытку рабочей силы, напряжению в обществе и как следствие — поиску средств для стимуляции потребления, развитию искусственных потребностей и взлому ограничивающих их моральных норм, культурных стереотипов, созданию механизмов массовой деструкции материальных ценностей. А также к разрушению тарифных барьеров, глобальной экспансии с целью вовлечения в процесс расширенного потребления все новых групп потребителей.

Обозначились со временем и границы хозяйственной емкости биосферы, возникла перспектива серьезного ухудшения ее качества, возможность истощения критически важных видов сырья. Но опасения в значительной мере были снижены, если не преодолены, за счет становления высокотехнологичной и постиндустриальной экономики. Инновационная экономика ослабляет значение подобных ограничений, а экономики информационная и финансовая («канторовская») их практически не имеют. В результате рост потребления природных ресурсов замедляется за счет повышения эффективности, миниатюризации и оптимизации промышленных механизмов, к тому же творческий дар в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов возобновляем и неисчерпаем. В традиционной индустрии научно-технический прогресс нарушает систему взаимосвязей, оказывая двусмысленное воздействие на норму прибыли, в частности, из-за перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаревания. Но что более серьезно,

Кевин Тонг. Иллюстрация обложки издания Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» 1988 года

При механистичной рационализации неисповедимого подчас промысла мир людей оказывается безнадежно расколотым, и для определения статуса в вечности — принадлежности к сообществу спасенных либо проклятых, к избранному народу *Urbarmenschen* или сонмищу *Untermenschen* — требуется не восхождение лестницей духа, но лишь испытание земной состоятельности.

но что более серьезно, неконтролируемые инновации, открывающие и закрывающие технологии способны выбивать почву из-под ног сложившихся экономических организмов, целых отраслей.

Однако и в пространствах постиндустриальной экономики, ряд отраслей которой имеет виртуальный характер, таятся непростые проблемы. Здесь сталкиваются две тенденции: *оптимизационная*,

Романо Гвардини:

«В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. <...> Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами».

связанная с развитием информационных, финансово-правовых технологий, каталогизацией мира, становлением глобального управления; и опирающаяся на творческий дар *инновационная*, сопряженная с обретением нового знания, ведущего к качественным, скачкообразным изменениям. Со временем в инновационной динамике происходят перемены: параллельно с возрастанием роли интеллектуальных технологий фундаментальные открытия — *radical innovations* — замещаются рационализациями открытий — *progressive innovations*, происходят технологизация науки, расцвет оптимизационных по своей природе дигитальных информационных и финансовых технологий, социаль-

ных и других «мягких» новаций.

Порог миллениума оказался пограничной территорией, на которой кристаллизовались стратегические замыслы конкурирующих сил. С этого времени интересы капитализма и промышленного производства, судя по всему, больше не совпадают.

Глобализм и дигитальная культура

К. прибыл поздно вечером.
Франц Кафка

Момент истины XX века — это, пожалуй, 1968–1973 годы, эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж трансформации протестантского мира и выхода на

поверхность, реабилитации подспудных течений. Граница периода охарактеризована социальными мыслителями как «мировая революция» (Иммануэль Валлерстайн), «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (Збигнев Бжезинский), «великий перелом» (Рикардо Диес-Хохлайтнер).

В условиях позолоченного века, материального торжества цивилизации и раскрепощения человека от многих природных и социальных тягот в мировом сообществе происходят системные изменения. Светскость *per se* предстает универсальной наследницей, основанием цивилизации, ее осью и естественным пределом, носителем политической корректной версии

культуры. На глобальных просторах утверждаются нормы поведения, соответствующие данной системе. Универсальное признание суверенитета личности, вселенская деколонизация, борьба за мультикультурное общество прочитываются как процесс постмодернизационной трансформации. Секулярность же в условиях полудобровольного наложенного эмбарго в отношении глубинных истоков, не имея энтузиазма прежней традиции, подвергается пассивному воздействию со стороны как неоязычества, так и фундаментализма различных толков.

В трансформации глобального капитализма выделяются несколько существенных факторов. Это появление «новых денег» (логическое завершение многовекового процесса порчи монеты), превратившихся в меру символического капитала и инструмент управления. Доллар, утратив рудименты золотого стандарта, мутирует в не обеспеченный ликвидностью алхимический кредит последней инстанции. Реализуются масштабные финансово-правовые технологии: перманентный глобальный долг, программы структурной адаптации, производные финансовые инструменты, экзотичные дигитальные операции, экспансия систем управления рисками и нематериальными активами, высокотехнологичная деструкция... Разворачивается революция в микроэлектронике, телекоммуникациях, информатике, произведя на свет не ограниченный физическими пределами виртуальный космос. Появляются сеть ARPANET как прообраз Интернета, система глобальной биржи, спутники связи, микрочип, персональный компьютер, мобильная телефония, универсальные коды (UPC-A, EAN-13) — эскизы глобального каталога

объектов собственности, товаров, людей. Происходит перестройка социального космоса на основе неолиберальной идеологии, предполагающей эмансипацию экономики из-под суверенитета государства, создание новой политической оболочки планеты.

Специфику новой формулы мировой (теперь «глобальной») экономики можно определить следующим образом: если до некоторого момента она представляла сумму национальных экономик, которые были самостоятельными субъектами, действовавшими на глобальном поле, то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект — штабная экономика, — которая, действуя на национальных площадках, превращает их в объекты. Вскоре утверждается практически единый тип хозяйствования, формализуется глобальный рынок, складывается эффективная система перераспределения мировых ресурсов и доходов.

Все эти тенденции позволяют очертить контур третьей (после торгово-финансовой и промышленной) фазы капиталистической мир-экономики — геоэкономической. Ее стратегическая цель — радикальное освобождение экономики от гнета этатистских политик, а в сфере экономической практики — получение системной прибыли не столько за счет теряющего привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной деятельностью в глобальном масштабе. Форм, позволяющих собирать обильную квазицену со всех видов практики (наиболее простым, хотя и частным, примером чего могут служить знаменитые ножницы цен).

Происходит инверсия, возврат на глобальном уровне к алгоритмам торгово-финансовой фазы. Это позволяет осуществлять системные операции в едином пространстве, реализовывать коды управления в мировом масштабе. Технический прогресс и финансовые технологии вкупе с обновлением организационных схем придают капитализму второе — если не третье — дыхание. Этатистский («социалистический») эксперимент XX века получает несколько неожиданную перспективу: опыт коммунистического Постмодерна можно рассматривать как футуристический порыв — отрицание публичной власти ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной власти организации — треста или госкорпорации, — которая через назначаемых управляющих (номенклатуру) контролирует пространство страны, региона, мира. Ситуация, когда крупная транснациональная корпорация направляет деятельность марионеточного правительства третьего мира, оказывается как будто лабораторной процедурой.

Создавшееся положение — своего рода завершение гегелевской триады становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл его временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией. Институциональный финал триады может произвести конвергенцию стилей, проявив их неочевидную сегодня типологическую родственность, вскрыв интригующие горизонты корпоративного, рукотворного универсума. Моделью выстраиваемой геоэкономической конструкции (геокона) может послужить многоярусный китайский шар — своеобразный аналог гебдоматы гностического космоса.

Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады (сизигии) в единую сложно-подчиненную конструкцию экономистического универсума.

На нижнем — географически локализуемом — уровне: добыча сырья и его использование природозатратной индустриальной экономикой. Другой — более высокий — локус: производство интеллектуального продукта и его высокотехнологичное освоение. На транснациональном ярусе — производство финансовых ресурсов вкупе с технологией универсальной процентной дани в качестве механизма управления экономическими и другими объектами, в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах. Но трансгранична также изнанка геоэкономической конструкции: сдерживаемый цивилизацией порыв к деконструкции — инволюционному, хищническому проеданию созданного человеком или предоставленного природой потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, — а также контроль над асоциальной практикой. Отсюда в легальный сектор продвигаются правила игры, выходящие за пределы обозначенных Адамом Смитом ограничений «невидимой руки», в которых правовой (и тем более моральный) контекст утрачивает значение. Наконец, на верхнем этаже расположена все еще пребывающая в становлении паутина штабной экономики.

Система глобального управления метаэкономикой утверждает регламенты «самой большой игры», финансово-правовое и специфическое силовое регулирование. Ее цель — унификация источника легальных платежных средств, тотальный контроль за их (равно как и ресурсных потоков) движением, интеграция и глобальная диверсификация

налоговых платежей. Всё это позволяет превратить земли геозкономического универсума в плодородную ниву — волшебный источник обильной квазиаренты.

■ Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать мерой человеческой практики свидетельствуют о кризисе христианского универсума, но также и об истощении прежней пассионарной доминанты атлантической цивилизации — ее протестантского вектора. Идеалы меняются: строители уходящей в дурную бесконечность конструкции говорят на едином для стран и народов языке финансовых операций, обретающих силу естественных законов бытия. А социальная анатомия демонстрирует принципы и цели, в прошлом неразличимые, смутно предчувствован-

ные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что

Абракасас – верховное гностическое божество, олицетворяющее единство времени и пространства

ворачивает с ног на голову архитектуру хозяйственной пирамиды. И поворачивает в прах как логическую эквилибристику Кальвина, так и забытую оговорку Адама Смита: «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости (курсив мой. — А.Н.), предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса». Замечание о «законах справедливости» — ключ к аксиологии невидимой руки, под которой подразумевалась не безличная, механическая сила, но рука Божия.

Финансовый успех — уже не просто признак благодати, но сама благодать, проистекающая из единого центра — квазиплеромы кредитной инстанции, перераспределяемой нисходящими божествами-архонтами — управляющими средне- и краткосрочными сценариями. При этом нижнее божество использует ее в низменных и преступных целях. В трансфинитной среде виртуальных операций, круговороте обретающих плоть цифр и множеств, взвешенных устремлений и просчитанных порывов финансовые ресурсы, заменив харизму, определяют статус индивида, диапазон легальных возможностей, положение в обществе, да и само общество, претендуя стать творческими энергиями — источником созидания/уничтожения. Финансовый успех в качестве мерила личности и главного критерия общества становится универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех выше личных и социальных

Финансовый успех в качестве мерила личности и главного критерия общества становится универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех выше личных и социальных усилий, он за пределами труда и морали и является признаком особой благосклонности воплощенного Абракасаса.

ные под флером христианской культуры. Прежние ценности переживают не столько девальвацию, сколько коррупцию, выступая в роли симулякров, скрывающих под ставшими ветхими одеждами иные смыслы. Семантическое двоевластие, возможно, продлится недолго: «В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявлен-

было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него. Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами», — писал более полувека назад Романо Гвардини. Спекулятивный характер финансовой деятельности пере-

усилий, он за пределами труда и морали и является признаком особой благосклонности воплощенного Абракса. Все это — по крайней мере, в эстетических категориях — напоминает строительство вселенского лабиринта — опрокинутой в глубины мирской плоти эшеровской версии вавилонской башни. Или воссоздание мистифицированного кафкианского Замка, чей центр невидим, а власть — везде. Кодовым же ключом к конструкции земных иерархий является та самая модель политкорректного Севера — мирового града — в обрамлении проклятых земель мировой деревни с не вполне легитимной и подведомственной властью.

Ценности Постмодерна (ярлык транзита) не удастся свести к наличествующей на рынке идеологии, влиятельному мировоззрению или культурному кругу. Мы присутствуем при зарождении исторической альтернативы с иным мировидением, аксиологией, историческим горизонтом, логикой институтов. Но в таком случае происходящее есть не что иное, как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций: не с культурами, известными и засвидетельствованными летописцами, но с неопознанным призраком, бродящим по планете. Иначе говоря, истинный оппонент Модерна — неопознанная культура, идущая то ли из сокрытых земель будущего, то ли из подсознания человечества и полузабытых глубин истории.

Дистопия

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной исхода: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель. <...> Внезапное появле-

Токи культурной деколонизации, глобальной революции масс пронизывают не только внешнее пространство Модернити, но и внутренние территории. На планете набирает силы творческая деструкция, чьи симптомы видятся в нарастании суммы цивилизационных рисков, моральном релятивизме, высокотехнологичном произволе, кадмовых зёрнах неоархаики.

ние подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

Будущее — особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время — субстанция, столь органичная для данной категории, — понимается несхожим образом, да и течет для разных субъектов с различной скоростью. Перемены — синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожай. Настоящее — не слишком предсказуемая, но улавливающая помехи нить осциллографа, прошлое — истрепавшийся каталог проб и ошибок.

Антагонист существующей формулы власти — пассионарная, суверенная констелляция людей, нередко асоциальная по отношению к существующим формам общественных связей, или, по крайней мере, критически к ним настроенная, либо иным образом отделяющая себя от прежней среды, объединенная дерзновенным прочтением топографии будущего. Это субъект, агент перемен, «малая динамичная общность», закваска, с пользой для себя впитавшая достижения проектной культуры, совершающая масштабную социальную революцию, переиначивающая форматы повседневности и смысловые пространства уходящего мира.

Человек новой культуры выходит за пределы религиозного патернализма, социального,

Питер Брейгель Старший. Пейзаж с падением Икара. 1555–1558 годы

Культура смерти обретает глобальную геометрию. Гибельный восторг и азарт не жертва, но особая мания. Этот огненный призрак – протуберанец клоаки, согласившейся воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как главную, финальную и желанную цель творения.

культурного контроля «над разумом и языком», за пределы прежних форм культурного и психологического программирования действий. Он растает при этом не только с оболочкой обрядности и суеверий, подавлявших волю, но со всем прежним прочтением традиций, реализуя практическую и метафизическую свободу, равно как свободу выбора существования вне какого-либо зримого метафизического модуса. Это позволяет по-своему перетолковать основы бытия, выявлять и проявлять истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Люди становятся суверенами, деятельно формирующими пространства культурной и социальной картографии, произвольно очерчивающими рубежи театра будущих дей-

ствий, который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства.

■ Диапазон прочтений будущего весьма широк, что естественно для проявлений свободы, выплескивающейся за очерченные прежде рамки. Сегодня можно разглядеть перспективы, неведомые историческим ландшафтам. Террористическая активность, индивидуальный акт деструкции становятся спутниками в новом мире, будучи в основе извращения тенденций к децентрализации и индивидуальной свободе: это своего рода обугленный остов обостренной гражданской инициативы в тотально недружелюбной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, от-

чужденная от общества, но наделенная социальным инстинктом, сама отчуждает подобный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело не в полной смене цивилизационного кода, но в изменившихся обстоятельствах и возможностях масштабной реализации внутреннего выбора. Это совершенно иной модус цивилизации, лишенной привычных нравственных границ.

Во что превратится мир, когда «империи рухнут и армии разбегутся»? Станет ли *Novus Ordo* всеобщим благом – мирным соседством льва и лани, согласно провидению (апокалипсису) Исайи? Или нынешний транзит – пролог иного по духу эона, воскрешающего сохраненные в глубинах подсознания сюжеты?

Токи культурной деколонизации, глобальной революции масс пронизывают не только внешнее пространство Модернити, но и внутренние территории. На планете набирает силы творческая деструк-

ция, чьи симптомы видятся в нарастании суммы цивилизационных рисков, моральном релятивизме, высокотехнологичном произволе, кадмовых зернах неоархаики. Локомотив же модернизации, подорванный на очередном перегоне, грозит увлечь состав под откос. Прежний мир развоплощается, диверсифицируется, его обитатели утрачивают статус, социальные, политические, финансовые, знаниевые институты трансформируются в облачные комплексы — суммы взаимодействий, реализуемых все чаще неформальным образом.

Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются сектами, толками, тайными орденами, политика пронизывается операциями спецслужб, политтехнологов, командос, экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и новыми платежными средствами, культура вытесняется индустрией электронных и химических грез, гравитацией комфорта, иллюзиями.

■

В чем тут уголек? Гностическая культура отрицательно относится к жизни как таковой, рассматривая уничтожение земного бытия как акт освобождения. Ее метафизические мотивации устремлены к тотальной деструкции, поскольку адепты несут в себе божественные искры, которые могут быть освобождены посредством уничтожения тел. Эпизоды сценария проглядывают сквозь прорехи былых утопий. Перспектива деконструкции цивилизации все чаще рассматривается наряду с иными версиями сюжета: у темной культуры свои интимные аспекты, способные радикально менять траекторию жизни, перевернуть привыч-

ную шкалу ценностей.

Проклюнувшаяся культура смерти — выходящая из глубин подсознания в сферу практики тяга к массовой деструкции и самодеструкции. Влечение, носящее, казалось бы, иррациональный характер, однако использующее достижения технической цивилизации, симптоматика же проявляется в диапазоне от событий 11 сентября до эпидемии перепоясанных смертью вестников. «Одни верят в жизнь, другие — в смерть. Я верю в смерть», — слова «живой бомбы», которой помешали сопроводить смерть в центр Москвы.

Культура смерти обретает глобальную геометрию. Это не только война сильных против бессильных или слабых против сильных, но всех против всех. На планете разворачивается пространство операций по контролю и распределению котирующегося на мировом рынке товара — ресурса смерти. Для многих обитателей Земли жизнь и карьера — почти синонимы, цель — комфорт и безопасность, то, что укладывается в прагматичные, подчас незатейливые формы существования. Но отринувшей житейский флер культуре чуждо подобное восприятие повседневности: вершина ее карьеры — амбициозная, эффективная и эффективная гибель, потенциально с невиданными последствиями. И это не пустая геростратова амбиция, темное дерзновение скреплено чувством, которое не требует ярмарочного признания. Гибельный восторг и азарт не жертва, но особая магия. Этот огненный призрак — протуберанец клоаки, согласившейся воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как главную, финальную и желанную цель творения.

Конструкции прежней цивилизации поколеблены, покрылись трещинами, надломи-

лись. Из щебня, обломков извергаются кочующие астероидные кланы. Пережив неустойчивость родной почвы, устремленные в неизвестность осколки планет врезаются в тела иных стран и весей. Этаж за этажом выстраивается вертикаль вселенского олимпа, собирается воздушный флот Новой Лапутании, на легучих островах которой заключаются симпатические сделки, образуются химеричные альянсы, справляются алхимические свадьбы. Мы наблюдаем мерцание блуждающих звезд, слияние подвижного, синкретичного сообщества, но все это — фрагменты футуристории и лишь отчасти видимой картины.

История, нанося удары, творя зигзаги и прорывы, ускорения и перестройки, расплачивается особой валютой — опытом. Прочерчивая картографию постсовременного глобуса, исследователь задумывается над вопросом: что принесет утверждение новых ценностей, что за правила сложатся на планете? Станет новый век постхристианским эоном, или ситуация двусмысленного транзита — лишь причудливая метаморфоза той же цивилизации? Как будут сочетаться разноликие реальности в одном эоне? Можно ли сохранить личность в космосе Нового Ренессанса — в хаосе свободы для страстей и разобщенности вне героического утешения?

Завершая экскурс, посвященный опознанию корней Нового мира, начал его аксиологии и дальней границы, экскурс, нитью которого явилось стремление скорее очертить проблемные поля, нежели дать ответы, замечу, отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях: временами пристальный взгляд, брошенный в прошлое, позволяет узреть фрагменты невероятного будущего.